

Я не думаю о завтрашнем дне

Актриса БДТ
Лариса МАЛЕВАННАЯ
предыдущую роль сыграла
четыре года назад —
в спектакле Андрея
Максимова "Последние".
Доигрывает
в "мемориальном"
товстоноговском
"Дяде Ване". В общем, явно
не востребована в своем
театре. Недавно на сцене
Театра имени
Комиссаржевской состоялась
премьера спектакля
"Мизери" с ее участием:
спектакль вышел под грифом
"Антреприза "Аполлон".

— С чего началась история работы над "Мизери", чья была идея?

— Идея была режиссера Валерия Гришко: он видел эту пьесу в Гамбурге, она его заинтересовала, он разыскал ее и сам перевел. А моя работа началась с того, что позволил руководитель антрепризы Борис Соколов и предложил роль. Борис — мой давний партнер еще по Театру Ленинского комсомола. Мы давно не общались, и то, что он вспомнил обо мне, — это так важно для меня...

— За столько лет никто из многочисленных режиссеров, сменяющих друг друга в Большом драматическом, так и не обратил на вас внимания?

— Знаете, тут, вероятно, нужно самой проявлять инициативу. Мне это очень трудно. Хотя без установок на то, чтобы нравиться режиссеру, нет нашей профессии. Мы слишком зависимы, тут уже не до гордыни.

— А когда много лет назад вы пришли в БДТ к Товстоногову — это была ваша инициатива или вы ему понравились?

— Видимо, понравилась. Впервые он позвонил, когда я еще работала в Театре имени Ленсовета. Я пришла к нему на разговор, объяснилась, сказала, что мечтала бы у него работать, но ситуация складывается так, что режиссеру Геннадию Опоркову — моему тогдашнему мужу — дают "Ленком", и если я с ним вместе пойду, то это только укрепит его театр. В общем, с извинениями отказалась. Товстоногов вышел из кабинета, не поверив, что такое вообще может быть: он приглашает, а актриса отказывается! Только несколько лет спустя повторил свое предложение.

— Георгий Александрович любил коллекционировать артистов, что называется, "про запас".

— Так и со мной было, и со многими. С актрисами особенно. Ведь основной костяк товстоноговской труппы составляли мужчины. Когда я перешла в БДТ, прекрасные актрисы театра мне говорили: "Не обольщайся. Театр у нас мужской". И они были правы.

— Вы пошли в педагогику от актерской невостребованности?

— Да, конечно. Рубен Агамирзян предложил набрать курс. Мне даже было обидно — на мне как на актри-

Фото В. ПЛОТНИКОВА

се ставят крест? "Ну а вы все-таки подумайте, — говорил он, — посоветуйтесь..." Все в один голос — в том числе и Товстоногов — мне сказали, что нужно идти преподавать. Но это было очень тяжело.

— Что для вас было самым желательным?

— То, что нужно было учиться самой.

— Учиться тому, как учить?

— Да. Я ходила на занятия профессор — моего педагога Аркадия Кацмана, бывшего однокурсника Исаака Штокбанта, открывала заново какие-то книги — и Станиславского, и Мейерхольда, и Михаила Чехова. И бессонные ночи, и сомнения. Педагоги в нашем институте — все с опытом, а тут приходит новичок, человек со стороны. Преподаю ведь у нас в институте люди, которые сами не играют. Отношение у них к практикам такое: мол, учить им не надо, это не их дело. И вот сразу видно, неопытная: на свой курс набрала не то. Я обижалась, ведь я так старательно выбирала.

Все, что с нами происходит, все события нашей внешней жизни — это точное отражение того, что у нас внутри. И набранный мною курс точно отражал мое внутреннее состояние на тот момент. Из 25 студентов 22 были из неблагополучных семей. Я не выясняла, кто из них откуда, а позже обнаружилось, что большинство ребят — провинциалы, как и я. Опаленные неурядицами, на экзаменах они были более яркими, более темпераментными, быть может, неуклюжими, но более интересными, чем скромные ленинградские дети.

Если бы я сейчас набирала, предпочла бы более интеллигентных ребят, потому что за четыре года обучения трудно отбесать тех, кто до 17–20 лет пребывал в состоянии дремучем.

— То есть вы сейчас отобрали бы более интеллигентных — в ущерб таланту?

— Сейчас — да. Потому что, когда в актерах это всеобщее хамство и свинство проявляется, — смотреть невыносимо. Я как раз очень дорожу теми из моих друзей, из коллег, из учеников, кто в любой тяжелой ситуации сохраняет достоинство.

— Вы следите за их работой теперь, когда ваша студия уже распалась?

— Отдаленно. Особой дружбы у меня с большинством ребят как-то не получилось.

— Тем не менее вы рискнули, выпустив курс, создать на его основе театр?

— Это не я рискнула, это они рискнули! Они из меня душу вытрясли. Они так хотели, чтобы у них был свой театр. Для меня это было совершенно лишним. Бежать по инстанциям, включаться в студийное движение, где меня лягали все кто мог. И это все для чадушек моих дорогих, чтобы их как-то уберечь. И ребята старались вначале. Первые успехи в Болгарии, в Югославии открывали, казалось, все вот-вот будет. Работали, терпели, потом надоело терпеть и ждать. Стали уходить. Искать, где лучше. Приходили другие — тоже искали, где лучше. А лучше не было нигде.

— Театр получил помещение на Васильевском острове, но уже много лет там идет нескончаемый ремонт, и творческая жизнь, судя по всему, угасла?

— Там не нескончаемый ремонт, а нескончаемая бодяга по поводу ремонта. Проверки, согласования, комиссии, тяжбы. Уже давно найден инвестор, который тоже начинает терять терпение. У меня пропадало желание этим заниматься, я поняла, что больше не имею права тратить на это свои силы и способности. В конце концов с меня спросится: тебе было много дано, а на что ты себя тратила? Бегала по канцеляриям, оформляла бумаги?

Я ребятам предложила еще два года назад разойтись до завершения ремонта. Мы делаем спектакли, которые прекрасно принимают на фестивалях в других городах, а в родном городе играем их от случая к случаю: негде! Аренда чужих площадок высока. А зарплата, налоги, а содержание здания? Ни город, ни район не дают ни копейки. Спектакли гибнут, едва родившись.

Но ребята со мной не согласились. И я отошла от театра. "Штурвал" взял в свои руки Олег Пальмов, директор. На базе театра был задуман культурно-просветительский центр, и директор с группой помощников пытаются завершить начатое: восстановили детский спектакль, сделали кукольный концерт, в здании на Среднем проспекте проходят выставки, музыкальные вечера. Правильно: должна теплится жизнь. Двух актеров я пригласила в мой спектакль "Бенгальские огни" в БДТ.

— Если все сложится благополучно, здание достроится, театр откроется, вы вернетесь?

— Не знаю. Я не думаю о завтрашнем дне.

— Премьера "Мизери" сыграна. Не сложится ли судьба спектакля так же, как работы вашей студии: он будет играть один раз в два-три месяца?

— Все может быть, но у меня опыта побольше, чем у моих ребят. Если будет перерыв в два месяца — это не страшно. И полгода перерыв — не страшно.

Беседу вел
Леонид ПОПОВ
Санкт-Петербург